

А.С. Пржедомский

ТАЙНЫЙ КОД КЁНИГСБЕРГА

Андрей Станиславович Пржездомский

Тайный код Кёнигсберга

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654087

Пржездомский, А.С. Тайный код Кёнигсберга: Вече; Москва; 2014

ISBN 978-5-4444-2164-2, 978-5-4444-8318-3

Аннотация

Кёнигсберг – город, которого нет на карте мира. Сегодня это – Калининград, российский форпост на Балтике, судьба которого задолго до того, как он стал называться новым именем, тесно переплеталась с Россией и ее историей, город сложной и противоречивой судьбы, хранящий множество тайн и удивительных сюжетов. Некоторым драматическим эпизодам из жизни Кёнигсберга-Калининграда, в том числе тем, в которых непосредственно довелось участвовать автору, посвящены главы этой книги.

Содержание

От автора	5
Часть первая	8
Тевтонский крест	8
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей
Станиславович Пржездомский
Тайный код Кёнигсберга

© Пржездомский А.С., текст, иллюстрации, 2014

© ООО Издательство «Вече», 2014

От автора

Наши российские города – будь то престольные грады Москва и Санкт-Петербург или почти незаметные на карте России Печоры под Псковом и Мезень на архангельском Севере – имеют столько захватывающих историй, столько удивительных и до сих пор не разгаданных событий в своем далеком и недавнем прошлом, что рассказывать об этом можно бесконечно долго. Жаль только, что в сегодняшней каждодневной суете, в погоне за местом под вновь засиявшим солнцем, многим из нас как-то стало не до истории своей страны, своего народа, своих городов.

Вместе с тем без взгляда в прошлое, без осмысления минувших событий, нет настоящего, а тем более и будущего. Прошлое – оно просто есть, плохое или хорошее, увлекательное или не очень. Не знать его, пытаться забыть, играючи переиначивать его в угоду сиюминутным интересам или, более того, отказываться от него – преступление перед грядущими поколениями. Слава богу, что это понимает большинство людей.

В ряду российских городов Калининград занимает особое место. Самый западный в нашей стране, он вобрал в себя, кажется, все противоречия, возникшие на стыке двух великих цивилизаций – западноевропейской и славянской, сконцентрировал в себе достоинства и пороки минувших столе-

тий, сохранил штрихи прошлого и приметы старины бывшего Кёнигсберга.

Древние называли этот город по-латыни Региомонтумом, что означает – «Гора короля». Какие только характеристик не давали Кёнигсбергу! Все захватчики и мракобесы, от рыцарей Тевтонского ордена до гитлеровской военщины, именовали его «германским форпостом на Востоке». Ученые и философы называли его «городом Канта». Солдаты Великой Отечественной воспринимали его как «логово фашистского зверя» и «оплот германского милитаризма». Калининградцы и гости нынешнего балтийского города знают его как «город-сад» и «жемчужину Янтарного края»... Каждый раздавал и раздает Калининграду-Кёнигсбергу свои эпитеты.

А я бы назвал этот город у берега Балтийского моря «городом удивительных тайн» потому, что не знаю другого такого места в нашей стране, где бы переплетались столь сильно истинные и скрытые теперь уже от наших глаз обстоятельства минувших столетий. Может быть, это мне только кажется. А романтика поисков Янтарной комнаты, в которых мне довелось участвовать, создала свой ореол над тем, что осталось от прежнего Кёнигсберга. Однако я все-таки стал бы утверждать: этот город хранит в себе столько тайн прошлого, что вряд ли возможно рассказать обо всех с достаточной подробностью.

В своей книге, первое издание которой вышло в 1998 году под названием «Тевтонский крест», я попытаюсь расска-

зять лишь о нескольких тайнах старого города, с которыми мне пришлось соприкоснуться лично в той или иной ситуации, иногда для меня понятной, а иногда совершенно недоступной трезвому объяснению. Именно в Калининграде я в свое время столкнулся с элементами мистики и поверил в то, что есть вещи, которые нельзя объяснить только правильными логическими построениями и умозаключениями, что некоторые явления надо принимать как данность, не пытаясь определить причины их возникновения. Конечно, это нематериалистично. Но не слишком ли много мы увлекались рационалистическим объяснением событий, если в конце концов снова стали искать путь к истокам?

Вниманию читателя предлагается семь небольших фрагментов истории и краткая прогулка по одному из районов города, которые, как мне кажется, наглядно показывают, сколь тесно переплелись события прошлых лет с нашей сегодняшней жизнью, что различия между людьми пролегают не у пограничных столбов, а в их образе мыслей и, самое главное, в их жизненной позиции. Может быть, эти сюжеты с ретроспективным взглядом в прошлое будут интересны читателю, особенно тому, который хоть раз побывал в этом удивительном городе. Я на это очень надеюсь.

Часть первая

Семь фрагментов истории

Тевтонский крест

*Dulce et decorum est pro patria mori:
Mors et fugacem persequitur virum¹.*
Квинт Гораций Флакк (65–8 гг. до н. э.)

Утром чуть свет мы были уже на ногах. Наскоро перекусив и уложив в сумку саперную лопатку, фонарик и пятиметровую веревку – необходимый для реализации нашего замысла «инвентарь», мы вышли на улицу. Районный дом пионеров, где мы определились на постой, располагался от центра города в двадцати минутах езды на трамвае.

---

¹ «Смерть за отечество отрадна и славна – Бежавший от нее в бою не уцелеет» (перевод с лат.). Квинт Гораций Флакк (65 – 8 гг. до н. э.). «Оды» («Carmina», III, 2, 13–16. Перевод А.А. Фета).

В центре Калининграда в середине 60-х годов XX века

Куда подевались теперь эти юркие, раскачивающиеся из стороны в сторону миниатюрные калининградские трамвайчики? Поворачивая со скрежетом на поворотах, они, казалось, вот-вот опрокинутся на бок или же соскочат со своей железной колеи. Но, как ни странно, этого не происходило, и они носились по улицам и площадям города, позванивая на перекрестках и резко тормозя у остановок.

Вот на таком трамвайчике мы и добрались до площади. День был солнечный, яркий, довольно теплый, во всяком случае, не такой холодный, какими были все предшествовавшие мартовские дни. Во всем чувствовалось приближение долгожданного лета – весенние школьные каникулы 1967 года были в самом разгаре.

Быстрым шагом мы проследовали вдоль ряда невзрачных четырехэтажек к заветной цели нашего пребывания в этом городе – развалинам Королевского замка. Вчера, едва приехав с Южного вокзала, мы сразу отправились к замку и уже успели осмотреть его зловещие и одновременно таинственные руины. А сегодня намеревались непременно спуститься в одно из его подземелий, смутно еще представляя, с какой целью.

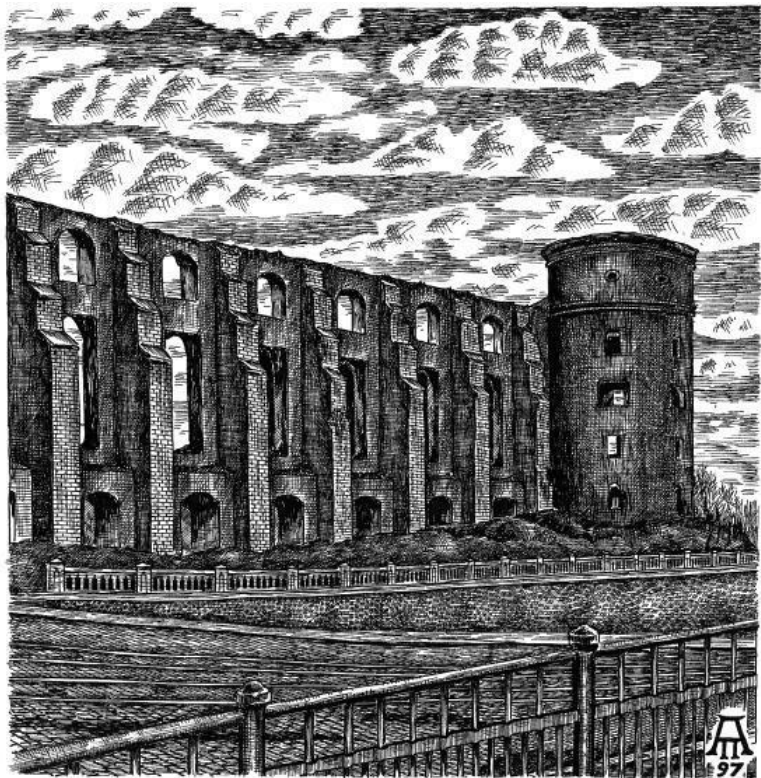
Очень скоро из-за домов на совершенно открытом пространстве показались высокие круглые башни с фронтонами, остовы фасадов и горы, буквально горы кирпича и обломков. Чем ближе мы подходили к этой зловещей изуродованной каменной глыбе, тем учащеннее билось сердце, тем больше переполняло нас желание проникнуть в самые сокровенные уголки замка, приоткрыть завесу таинственности над его многовековой историей и, конечно же, найти хоть какой-либо намек на хранящиеся в его недрах сокровища. Дух авантюризма захватил нас – двух шестнадцатилетних мальчишек, приехавших сюда, в Калининград, из Москвы буквально на несколько дней и готовых, вопреки наставлениям родителей, броситься в неизведанное, рискованное дело, ощутить подлинную опасность и узнать, что такое настоящие приключения.

Из книги «А.Т.Болотов в Кёнигсберге». Калининград, 1990 год²

«Наизнаменитейшим из всех в Кёнигсберге находящихся зданий можно почестъ так называемый Замок, или дворец прежних герцогов прусских. Огромное сие и, по древности своей, пышное здание воздвигнуто на высочайшем бугре, или холме, посреди самого города находящегося. Оно сделано четверугольное, превысокое и имеет внутри себя четверостороннюю, нарочито просторную площадь и придает всему городу собой украшение, и тем паче, что оно с многих сторон, а особенно из-за реки, сверх всех домов видимо».

---

² Здесь и далее в цитатах сохраняется стиль и орфография источника.

Таким мы увидели замок в 1967 году

Сегодняшнее «обследование» замка мы решили начать с той его части, которая выходила на спускающуюся к реке улицу, где мы проезжали вчера, следуя с вокзала. Здесь замок казался наиболее сохранившимся.

Громадные овалы башни высотой с девятиэтажный дом, высокие и толстые стены фасада с провалами огромных прямоугольных окон, массивные контрфорсы³, теперь уже бессмысленно подпирающие его с внешней стороны. Внизу вдоль улицы тянулась сложенная из крупных камней стена открытой террасы с балюстрадой – великолепно сохранившимся каменным ограждением из серого камня с розовым отливом.

Пройдя немного по террасе и не обнаружив ничего, кроме слежавшихся куч кирпича, поросших прошлогодней травой, и еще голых, без намеков на появление почек кустов, мы повернули в сторону арочного проема в стене, чтобы пройти внутрь руин замка. Повсюду нам попадались разбитые, а иногда и целые бутылки из-под вина и водки, смятые сигаретные пачки, ворохи рваных газет и оберточной бумаги. Все это, конечно, несколько снижало наш романтически-приключенческий настрой, но не могло поколебать главного – уверенности в том, что в этих притягательных развалинах нас ждет что-то таинственное и необычное.

Мой товарищ Володя, шедший немного поодаль, вдруг воскликнул:

– Смотри!

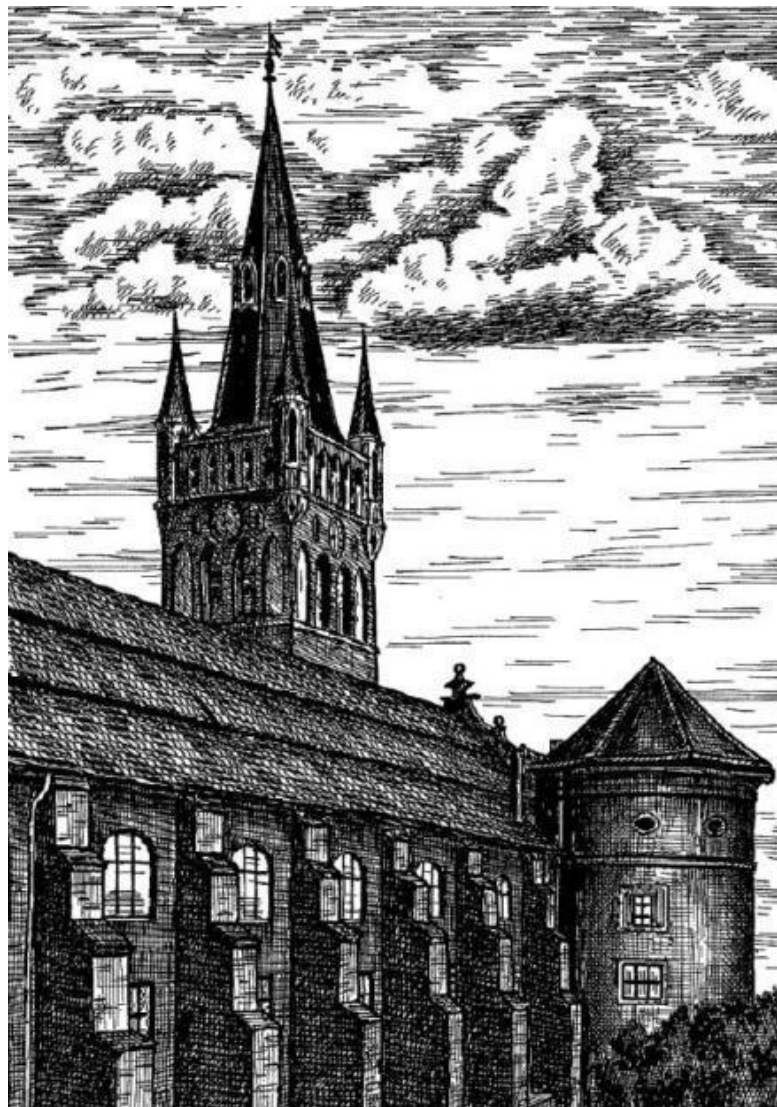
Прямо перед нами между двумя массивными кирпичными глыбами, рухнувшими откуда-то сверху, зиял в земле

---

³ Контрфорс – каменная поперечная стена или выступ, усиливающие основную несущую конструкцию; один из основных элементов готической архитектуры.

черный провал. Его не было видно ни со стороны узкой тропинки, вьющейся между развалинами, ни со стороны террасы, откуда мы двигались. Если не перелезть через завал кирпичей, рискуя вымазаться в глине и кирпичной пыли, то даже и не догадаешься о том, что здесь существует вход в подземелье. Конечно, местные мальчишки здесь уже побывали, и, наверное, не один раз. Но мы, москвичи, которым было неведомо привычное для калининградцев созерцание развалин, оказались впервые перед входом в **настоящее** подземелье **настоящего** рыцарского замка.

– Фонарик не забыл? – почему-то спросил я у Володи.

Его недоуменный взгляд свидетельствовал по меньшей мере о странности моего вопроса – все вещи мы складывали утром вместе. Лучик света из старого немецкого трофейного «даймана», подаренного Володе его отцом, бывшим фронтовиком, пробежал по кирпичам и буквально растворился в темноте подземелья. Его электрической мощности явно не хватало для того, чтобы разглядеть что-либо в кромешной темноте подземелья. Я опустил на корточки, сел на край провала, свесил в него ноги и снова посветил вниз. Осыпавшиеся сверху кирпичи и слежавшаяся земля или глина образовали что-то вроде крутого откоса, уходящего куда-то вниз. Мелькнувший в луче фонаря спичечный коробок, застрявший между камнями, как-то сразу снял напряжение, и мы с Володей, наверное, почти одновременно подумали, что ничего страшного не произойдет, если мы попытаемся спуститься вниз. На всякий случай мы бросили в пролом увесистый камень – с глухим стуком он ударился о стену где-то в глубине подземного хода.

Ну что ж, вперед! Мы по очереди спрыгнули вниз. На нас повеяло сыростью, холодом и еще каким-то необычным запахом с примесью затхлости. Пролом теперь был над нами на уровне вытянутой вверх руки. В него струился яркий дневной свет. С улицы едва слышно доносился шум проезжающего рядом с замком трамвая.

Когда глаза немного привыкли к темноте, мы увидели, что находимся в просторном помещении со сводчатым потолком из кирпича. Размеры подземного зала определить было трудно, так как луч фонарика выхватывал только очертания стен, проступающие во мраке. Мы прошли несколько шагов по битому кирпичу, то и дело спотыкаясь о крупные обломки и металлическую проволоку. Сверху свешивались остатки арматуры, на уровне груди из кирпичной кладки торчали ржавые металлические крючья.

Из книги Адольфа Бёттихера «Памятники архитектуры и искусства Восточной Пруссии». Кёнигсберг, 1897 год

«...западная сторона Замка заново построена... маркграфом Георгом Фридрихом в 1584–1595 годах на фундаментах, сооруженных в орденский период...

Замковый инспектор по строительству Куттиг утверждал в 1882 году, что “при строительстве западного крыла Замка нашли применение не только некоторые старые конструкции, но и значительная часть древнего сооружения... Подземелья, расположенные глубоко под землей, – сообщил Куттиг, – имеют... цилиндрические своды...” По нашему мнению... все стены над землей и опорные колонны в подземельях построены в 1584–1595 годах, а лежащая под землей опоясывающая стена... – в период Ордена».

Здесь начинался спуск в подземелье

Руины северного крыла замка

Обшарив лучом фонарика противоположенную от нас стену, мы обнаружили прямо посередине высокую стрельчатую арку с вывалившимися по краям кирпичами. В тишине подземелья наши шаги по осыпающемуся каменному крошеву производили невообразимый шум и казались грохотом. В те мгновения, когда мы останавливались, раздумывая, куда направиться дальше, отчетливо слышалось, как где-то капала вода. Стены на ощупь были шершавыми и влажными.

Преодолев арку, мы оказались в сходном по размерам по-

мещении, только еще больше заваленном битым кирпичом, обвалившимся сквозь пролом в потолке. Дневной свет сюда уже не проникал, и ориентироваться приходилось исключительно по лучу фонарика. Вдруг раздался металлический грохот, как будто нога наткнулась на пустое ведро. Ржавая немецкая каска! Этого «добра» в Калининграде в то время было предостаточно. Володя отфутболил ее в угол подвала, где в темноте угадывалась целая куча подобного металлолома.

Так мы продвигались от комнаты к комнате, стараясь ступать с особой осторожностью, так как все чаще стали попадаться осколки бутылочного стекла. Наконец, уперлись в глухую стену. Осветив ее, мы заметили явные очертания еще одной арки, аккуратно заложенной кирпичом. По-видимому, это было сделано очень давно – кирпич по цвету и фактуре ничем не отличался от кладки стены. Мы с Володей, как заправские шерлок холмсы, тщательно простучали камнем стену, уловили явные отличия в звуке удара по замурованной части и остальной поверхности. Сомнений не было! Перед нами был тайник! Кто и когда его устроил – нас уже не интересовало. Главное, мы были на верном пути. Однако мы вполне отдавали себе отчет в том, что самостоятельно, без какого-либо специального инструмента мы не в состоянии поколебать твердость стен цитадели. Оставалось только подумать о том, каким способом мы сможем разобрать эту стену и кто поможет нам в таком предприятии.

Из книги Боррманна «Восточная Пруссия». Берлин, 1935 год

«Замок в его сегодняшней форме стоит на фундаменте бывшего бурга⁴, строительство которого было начато Тевтонским орденом в 1263 году, и значительно увеличен в течение трех последующих столетий».

В рыцарском подземелье

---

⁴ Бург (*лат. burgus*) – замок, укрепленный пункт.

Раскопки на месте Королевского замка

На стене, откуда-то сверху свешиваясь, болтались оборванные телефонные провода и многожильный кабель в изъеденной временем и сыростью оплетке. Под ногами хрустело бутылочное стекло, пол был усеян обрывками проволоки, полусгнившими обломками досок и истлевшим тряпьем. Мне показалось, что свет фонарика немного потускнел, и я об этом сказал Володе. Остаться здесь, в этом холодном и сыром подzemелье, без света совсем не хотелось, и мы решили пробираться к выходу.

Внезапно я почувствовал какое-то смутное беспокойство. На дальней стене, подход к которой был завален большими глыбами, мне почудились какие-то разводы, имеющие правильную геометрическую форму. Несмотря на слабый свет карманного фонарика, мы рассмотрели, что стена эта была совсем другой. Вместо темно-красного кирпича, из которого были сложены все остальные стены, материалом для нее послужили большие камни преимущественно овальной формы. Поэтому она выглядела как панцирь огромной черепахи.

**Из книги «Немецкая книга городов.
Справочник городской истории».
Том I. Северо-Восточная Германия.
Штуттгарт – Берлин, 1939 год**

«Деревянный Орденский замок заложен в 1255 году (на месте сегодняшнего Рейхсбанка). Из камня стал строиться в 1257 году в районе западной стороны нынешнего замкового двора».

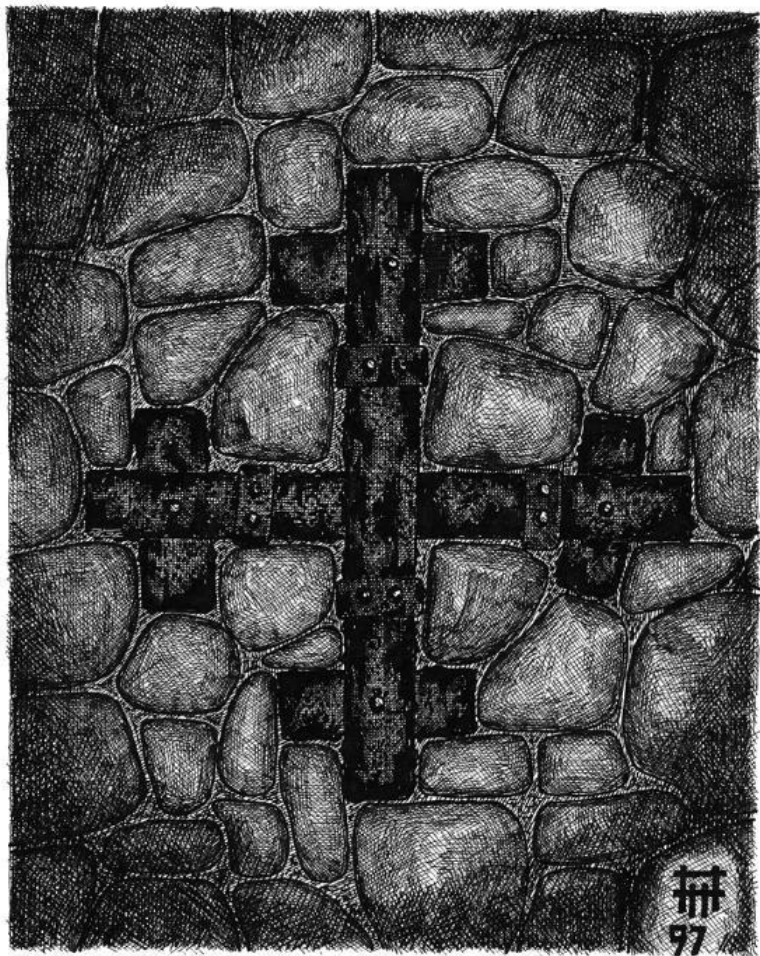
Вместе с тем посередине стены все более отчетливо проступали очертания непонятого пока предмета. Мы сделали несколько шагов, и теперь уже довольно ясно увидели массивный железный крест, вмурованный в каменную кладку.

Не без труда преодолев завал из кирпичей и обломков, мы приблизились к стене. Крест был шершавый, весь покрытый коркой вековой ржавчины. Форма его была необычной: оди-

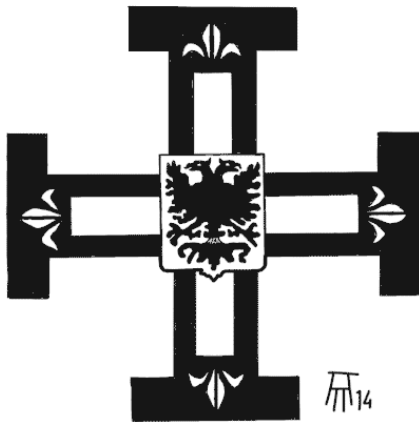
наковые по длине перекрестия заканчивались на всех четырех торцах короткими поперечными перекладинами. На поверхности креста едва заметными наростами выступали ржавые металлические скобы, вмурованные в стену и намертво удерживающие его в вертикальном положении. Что-то зловещее чудилось в этом массивном кресте, в этом немом свидетеле событий прошлого, жизни многих поколений. Что «видел» со своей каменной стены этот старый рыцарский крест, какие события разворачивались при его молчаливом присутствии в мрачные века Средневековья? Кто мог ответить на этот вопрос?

**Из книги Фоли «Энциклопедия
знаков и символов». Москва, 1996 год**

«...Крест кросслет называется также Тевтонским крестом. Четыре маленьких крестика на концах символизируют четыре Евангелия...»

Металлический крест, вмурованный в стену

Тевтонский крест

Мы еще немного постояли в подземелье, рассматривая диковинную историческую находку. Но свет фонарика стал совсем тусклым, и мы, боясь, что батарейка сядет окончательно, двинулись в обратный путь.

Когда поравнялись с аркой, ведущей в другой зал, я невольно обернулся. Не знаю, может быть, это мне показалось, но в темноте подземелья крест как будто немного даже отдавал металлическим блеском. «Чертовщина! – подумал я. – Какой блеск?! Он же насквозь ржавый!»

Вскоре мы выбрались из подвалов замка, щурясь от неожиданно яркого света мартовского солнца и наслаждаясь весенним запахом прелой земли. Мрачные подземелья, каменные завалы и заложенная кирпичом арка – все это осталось там, в черном провале замковой преисподней. Где-то внизу, вмурованный в каменную стену, висел большой ржавый крест, хранящий какую-то неразгаданную тайну, покрытую мраком прошедших столетий.

* * *

Глаппо очнулся. В темноте ощупал избитое, кровоточащее ранами тело. Пахло сыростью и чем-то горелым. Кровь стучала в висках, боль буквально раскалывала голову, не давая сосредоточиться. Глаппо никак не мог вспомнить, что с

ним произошло, почему он оказался в этом темном, сыром подвале. Порой казалось, что ему удалось поймать какую-то тревожную мысль, но она тут же ускользала из его воспаленного сознания. Он приподнялся на локтях, затем сел, превозмогая боль. Откуда-то сверху в помещение проникал слабый свет, и Глаппо удалось разглядеть очертания своей темницы: стены, сложенные из крупного камня, высокий потолок, подпираемый массивным деревянным столбом, тяжелая, сбитая из толстых досок дверь. На противоположной от двери стене в полумраке подземелья Глаппо увидел очертания черного тевтонского креста и все вспомнил.

* * *

Они пришли на его родину как хладнокровные и коварные убийцы. Сначала их было немного, и наивные жители Самбии⁵ посмеивались над не обычными фигурами всадников в белых плащах с черными крестами на спинах. Всадники во всеуслышание объявляли о том, что прибыли сюда с великой миссией обратить пруссов в новую веру, преподать язычникам Слово Божье. Спросив как-то у отца, что это за новая вера, Глаппо не услышал в ответ никаких объяснений. Отец посадил мальчика к себе на колени, нежно погладил его по голове и сказал:

---

⁵ Самбия – древнее название местности, расположенной на Калининградском полуострове.

– Сын, расти сильным и смелым. Впереди тебя ждут большие испытания. Поклоняйся всегда нашим богам Перкунасу Пиколоссу и Потримпосу и не обижай ужей, этих священных животных, приносящих людям счастье. Из-за чужих людей, которые хотят отнять у нас наших богов, земля наша перестанет давать жатву, деревья приносить плоды, а животные – приплод. Не верь им!

Отец был умным человеком и предвидел беду, которая надвигалась на их дом.

Потом все чаще и чаще Глаппо слышал разговоры не на шутку встревоженных взрослых, а однажды в их маленький домик с обмазанными глиной стенами и соломенной крышей пришел какой-то человек в изодранной одежде и с перевязанной головой. Он долго и взволнованно рассказывал о том, что рыцари Тевтонского ордена громадными полчищами двинулись на их землю, неся слезы беззащитному прусскому населению. Они зверски убивают женщин и детей, разрубая их своими тяжелыми мечами, сжигают дотла деревни, а оставшихся в живых пруссов, обращают в новую веру, заставляя поклоняться чуждому им богу. Тевтонами уже полностью завоевана Хельмская земля, теперь они продвигаются в Натангию⁶ и скоро, очень скоро придут в эти места.

---

⁶ Натангия – историческая область в юго-западной части Калининградской области.

Прусский воин. Со старинной гравюры

Тевтонский рыцарь

Из книги Лависса «Очерки по истории Пруссии». Москва, 1915 год

«Превосходство вооружения, делавшего из каждого рыцаря нечто вроде подвижной крепости, лучшая тактика, искусство фортификации, разьединенность пруссов, их беспечность и свойственная всем дикарям неспособность предвидеть будущее и заботиться

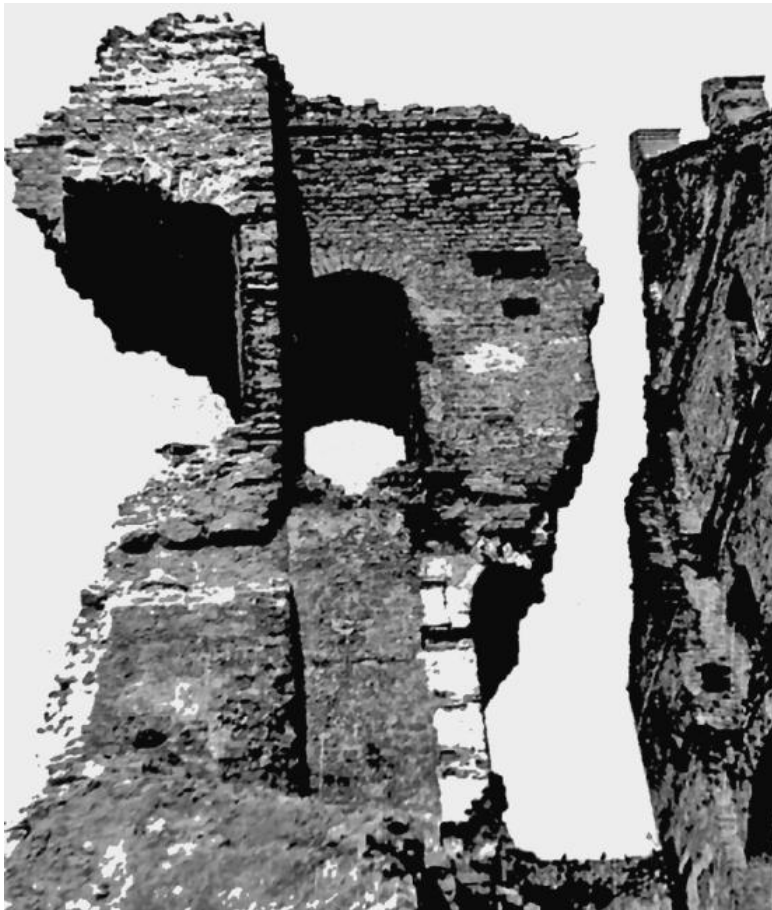
о нем объясняют конечный успех завоевания, а незначительность привлеченных к войне сил делает понятной продолжительность борьбы.

Завоевание это двигалось вперед, как волна прилива, то набегая, то снова отступая».

Слабое прусское войско оказалось неспособным противостать мощи рыцарского ордена и стало терпеть поражение за поражением. Проникая в глубь страны, рыцари строят многочисленные крепости и уже оттуда совершают свои кровавые набеги. Кульм, Торн, Мариенвердер⁷ – эти слова зловеще звучали в устах гостя.

---

⁷ Кульм, Торн, Мариенвердер – ныне города Хельмно, Торунь и Квидзын в Польше.

Стены готовы были рухнуть. 1967 год

Юный Глаппо слушал сбивчивый рассказ незнакомца о

том, как под натиском рыцарей войско пруссов под командованием воеводы Пиопсе было осаждено в деревянной крепости Бальга, что на побережье моря, совсем недалеко отсюда. Оборонявшиеся могли бы продержаться еще долго, если бы не предательство. Один из знатных пруссов, поддавшись на увещевания рыцарей, которые пообещали всякому, кто будет сотрудничать с ними, дать охранную грамоту на наследственное владение землей, тайно пробрался к воротам крепости и ночью открыл их для неприятеля. Рыцари ворвались в крепость, перебили почти всех ее защитников, не щадя укрывшегося в ней населения окрестных деревень.

В ту ночь под ударами тяжелых тевтонских мечей погибли сотни женщин, стариков и детей. В неравном бою пал и воевода Пиопсе, сраженный копьем крестоносца. А проклятый изменник пошел на службу к иноземцам, путем подлой измены своим соплеменникам обеспечив себе жалкое существование предателя. Человеку, взволнованно рассказывавшему об ужасах той ночи, чудом удалось спастись, и вот теперь он, выполняя поручение воеводы, несет мрачные вести в прусскую крепость Лебегов⁸.

Скоро и в их краю появились всадники в белых плащах. Правда, пока они вели себя мирно и приезжали лишь для того, чтобы нанять людей на строительство своих крепостей, которые они стали возводить буквально на каждом шагу. Прошло немного времени, и вся южная часть Пруссии по-

---

⁸ Лебегов – ныне город Полесск Калининградской области.

крылась сетью крепостей: Кройцбург, Бартенштейн, Рёссель, Визенбург, Браунсберг, Хайльсберг⁹, откуда тевтонские рыцари стали совершать свои разбойничьи набеги.

---

⁹ Теперь это города: Славское в Калининградской области, Бартошице, Бранено, Лидзбарк-Варминьски и др. в Польше.

Фигурный вензель из подземелий замка

Зловецкие руины

Глаппо помнит, как однажды, вернувшись из леса, куда он с ребятами ходил за грибами и ягодами, застал дома плачущую мать и отца, что-то складывающего в свой охотничий мешок. На нем была новая холщовая короткая юбка до колен с поясом, украшенным кусочками янтаря и искусно выточенными железными пластинами. На голове – остроконечная меховая шапочка. Отец принес из кладовки тщательно отточенную секиру на длинной узорчатой рукоятке и дротик с толстым кожаным ремешком.

Двенадцатилетний Глаппо впервые видел отца с оружием

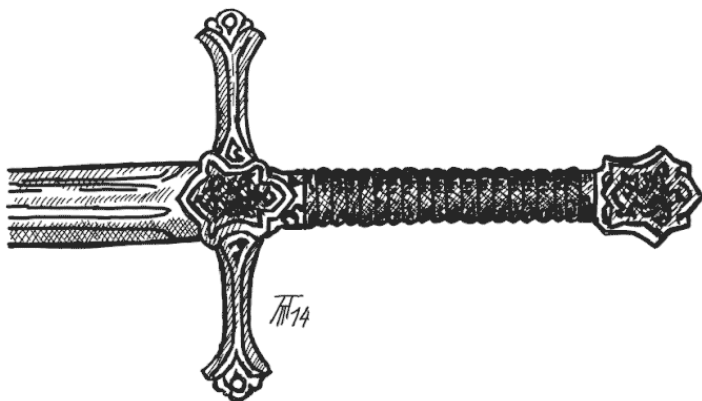
в руках. Попрощавшись с женой и поцеловав каждого ребенка в отдельности, отец окинул тяжелым взором убогую обстановку дома и, низко поклонившись на прощание, отправился туда, где накануне был объявлен сбор всех пруссов, способных носить оружие. Дошедшие слухи о победе братьев-славян над псами-рыцарями, когда русское войско под предводительством князя Александра разбило тевтонов на Чудском озере, всколыхнули пруссов, посеяли у них надежду на то, что, объединившись, они смогут противостоять завоевателям.

15 июня 1243 года у Рейзенского озера крупные силы тевтонских рыцарей были разгромлены прусскими отрядами, к которым присоединились войска поморского князя Святополка. В этой кровавой сече немцы понесли тяжелые потери. Стрелой, пущенной из прусского дротика, был сражен наповал ландмаршал Ордена Берливин. «Геройство» захватчиков наталкивалось на стойкость и мужество свободолюбивого народа.

Из книги Лависса «Очерки по истории Пруссии». Москва, 1915 год

«Накануне одной из самых кровопролитных битв с восставшими пруссами Дева Мария является одному рыцарю, который особенно усердно служил ей, и говорит: “Герман, ты скоро будешь с Сыном Моим”.

На другой день Герман, бросаясь в самые густые ряды врагов, сказал товарищам: “Прощайте, братья, мы больше не увидимся! Матерь Божья призывает меня в мир вечный!” Один прусский крестьянин, видевший эту битву, где рыцари были обращены в бегство и грудами падали под ударами врагов, так закончил свой рассказ о ней: “Тогда я увидел женщин и ангелов, несших на небо души братьев; ярче всего сияла душа Германа в руках Святой Девы”».

Рукоятка тевтонского меча

Бежавшие в панике конные и пешие рыцари бросили на поле боя свое орденское знамя с черным крестом, которое пруссы торжественно сожгли на холме под победные возгласы и звуки охотничьих рожков. Но немало пруссов сложили голову в том сражении. Не вернулся после него и отец Глап-

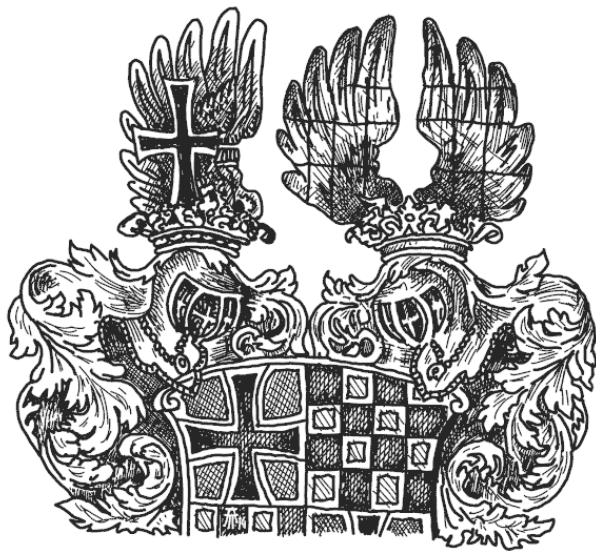
по. Его мать осталась с пятью детьми на руках, лишившись единственного кормильца.

* * *

...Глаппо прислушался. Из-за массивной двери доносились гортанные звуки. Звуки немецкой речи. При одной только мысли о том, что он попал в лапы тевтонов и теперь бессилён продолжать борьбу с ненавистными врагами своего народа, у Глаппо сжались кулаки, и приступ ярости охватил все его существо.

Такое же чувство бессильной злобы он испытал десять лет тому назад, когда в их деревню пришла весть о том, что шестидесятитысячное войско Тевтонского ордена снова вторглось в пределы Самбии. Во главе крестоносцев стоял сам Великий магистр Ордена Поппо фон Остерна. Рыцари выступили из Эльбинга в Бальгу и оттуда, пройдя по льду замерзшего залива и не встретив серьезного сопротивления, углубились внутрь страны. Глаппо, которому к тому времени исполнилось двадцать четыре года, поспешно простившись с матерью, братьями и сестрами, ушел вместе со всем мужским населением окрестных деревень в крепость Вилов, где собиралось прусское войско. И уже туда до него дошла страшная весть о том, что рыцарская армада, сокрушая все на своем пути, не пощадила и их маленькую деревеньку, предав огню дома вместе с жителями, не пожалев никого – ни

древних старцев, ни младенцев. Трех его братьев изрубили мечами во дворе их дома на глазах у матери, которая затем погибла сама в страшных мучениях – рыцари сожгли ее живьем, привязав к дереву. Обе сестры Глаппо пытались бежать, но одна за другой были пронзены острыми копьями тевтонов и брошены в пламя костра.

Символы тевтонских рыцарей

Отныне единственной целью в жизни Глаппо стало мщение. С тех пор его меч и копье не знали пощады и разили ненавистных рыцарей даже в коленоприклонном положении.

Печать Кнайпхофа. XV век

Предводитель пруссов Геркус Монте

После того как рыцари основали в 1255 году на месте трех сожженных ими прусских деревень Траккейм¹¹, Заккейм¹² и Липеник¹³ крепость Кёнигсберг, названную так в честь принимавшего участие в их захватнических походах богемского короля Оттокара, казалось, что захват Самбии уже предрешен. Но велика была воля к свободе и ненависть к поработителям у гордых пруссов. Все от мала до велика обреченно поднялись на смертный бой с крестоносцами, посланными Папой римским огнем и мечом утверждать среди варваров веру Христову.

Встав под знамена возглавившего восстание Геркуса Монте, пруссы неожиданно стали одерживать одну победу за другой. Разгромив войско Ордена у озера Дурбе, где были убиты видные военачальники тевтонов – магистр Бургард фон Горнгузен, маршал Генрих Ботель и датский герцог Карл, пруссы, поддерживаемые литовцами и куршами, продвинулись в глубь территории, контролируемой Орденом, захватили и сожгли крепости крестоносцев Хайльсберг, Браунсберг и Христбург.

---

¹¹ Trakkeim (*прусс.*) — «деревня на просеке в лесу» (позже – Трагхайм).

¹² Sakkeim (*прусс.*) — «деревня на вырубке» (позже – Закхайм).

¹³ Liepenick (*прусс.*) — «деревня на болоте» (позже – Лёбенихт).

Из книги Свиллуса «Наша Восточная Пруссия». Том. 2. Кёнигсберг, 1919 год

«Большое восстание побежденных старых пруссов против Тевтонского рыцарского Ордена произошло в 1261–1273 годах. Поводом к нему послужило вероломство фогта Натангии, который пригласил к себе в замок многих знатных пруссов и повелел всех их сжечь живьем...

Геркус Монте в детские годы был вывезен братьями (орденскими рыцарями) в Магдебург, где был воспитан в христианской вере и обучен немецкому языку... По возвращении в Пруссию Геркус отказался от этой веры и стал злейшим врагом орденских братьев... Жители Натангии избрали его своим предводителем и благодаря его уму и мужеству одержали множество побед...»

Глаппо, обладавший недюжинной силой и искусно владеющий оружием, был избран предводителем одного из отрядов восставших. На священном холме, затерявшемся в глубине лесов Эрмландии, он вместе со своими товарищами поклялся сражаться до тех пор, пока ни одного рыцаря не останется на прусской земле. Свою клятву они скрепили кровью по древнему обычаю пруссов.

Под командованием Геркуса Монте отряд Глаппо принял участие в осаде крепостей Бальги и Эльбинга, а в феврале 1261 года – в осаде Кёнигсберга. Город был блокиро-

ван со всех сторон, и лишь по реке рыцари могли получить подкрепление. Оно скоро пришло и слегка потрепало ряды прусских воинов, но осада крепости и города была продолжена. Собственно, города как такового еще не было. На холме Тувангсте стояла недостроенная каменная крепость, окруженная высоким земляным валом и глубоким рвом¹⁴, чуть ниже, в овраге, по которому протекал ручей Катцбах¹⁵, – орденская мельница и несколько деревянных хозяйственных построек, которые были сожжены в самом начале осады. Само поселение располагалось к северу от крепости и было огорожено высоким частоколом, из-за которого виднелись крыши строений и остроконечный шпиль церкви Святого Николая¹⁶, служившей маяком для рыцарских судов, проплывающих по реке Липце¹⁷.

На западном склоне холма, неподалеку от того места, где «орденские братья» добывали камни для строительства, было начато сооружение нового замка. Уже выросла мощная стена из огромных булыжников, которая должна была послужить фундаментом для тевтонской цитадели. Почти у самой

---

¹⁴ Ныне на этом месте – пустующая громада бывшего Дома Советов, фонтаны, газоны и торговые павильоны на Центральной площади Калининграда.

¹⁵ Сейчас ручей заключен в трубу, соединяющую Нижний пруд с рекой Преголей.

¹⁶ Впоследствии названа Штайндаммской кирхой.

¹⁷ Река Преголя именовалась во времена Тевтонского ордена Скаррой, а затем Липцей. Только позже она стала называться Прегорой, или Пригорой и, наконец, Прегелем.

земли в ее основание были вмурованы два больших тевтонских креста, сияющих на солнце металлическим блеском.

Находки археологов

**Из книги Фрица Гаузе «История
города Кёнигсберга в Пруссии».
Том. I. Кельн, 1972 год**

«Древнейшая крепость... была построена на месте прусского укрепленного поселения на юго-восточной стороне Тувангсте... Она была временной, так как

Орден уже намеревался соорудить замок на более высокой и обширной юго-западной части Тувангсте. Крепость окружал земляной вал пятиметровой ширины с крепким забором из раздвоенных стволов деревьев... Он проходил по краю рва... На относительно небольшой, огороженной деревянным забором площади возвышались сооружения замка из бревен и фахверковых конструкций...»

Пруссы обстреливали крепость и город, забрасывали его зажженными стрелами, вызывающими многочисленные пожары, но не могли преодолеть упорство обороняющихся. Глаппо помнил, с каким остервенением рыцари пресекали все попытки пруссов отрезать город и крепость от реки и лишить их тем самым возможности получить подкрепление извне. Вначале, казалось, пруссы нашли правильное решение: они перегородили реку своими небольшими ладьями, поставленными на якоря. Их воины внимательно всматривались в даль, готовые предупредить о приближении крестоносцев. И все-таки рыцари перехитрили их. Ночью, когда темнота опустилась на землю и окутала реку густым мраком, к ладьям неслышно подобрался отряд из Кёнигсберга, состоящий из немцев и перешедших к ним на службу изменников-пруссков. Не ожидавшие нападения с тыла, пруссы были застигнуты врасплох.

Королевский замок в 1944 году

В поднявшейся суматохе никто из пруссов не заметил, как немцы продырявили днища у их лодок и быстро исчезли. Еще долго на кораблях мелькали огни – это прусские войны с зажженными факелами в руках метались по ладьям в поисках неприятеля. А через некоторое время они заметили, что днища покрыты водой, которая прибывала с невообразимой быстротой. Ночь усугубила положение, пробоины найти не удалось, и к утру все суда, стоящие на Липце, одно за другим затонули, оставив после себя водовороты и разный хлам, уносимый течением вниз по реке.

Геркус Монте собрал на совет командиров прусских отрядов. В их числе был и Глаппо. Впервые ему удалось увидеть легендарного Диване Клекине по прозвищу Медведь,

проявившего талант выдающегося полководца при захвате крепости Визенбург в Бартии и опорного пункта тевтонских рыцарей – крепости Кройцбург. Там же были и друзья Глаппо Гланде и Налубе, молодые и сильные воины, предводители двух самых крупных отрядов в Самбии. Налубе происходил из знатного прусского рода и жил до начала восстания в Кведнау¹⁸, большой и богатой деревне к северу от Кёнигсберга. Его отец и оба брата предали священные традиции своих предков и предпочли борьбе за освобождение своей Родины от поработителей жалкую участь вассалов тевтонов.

И когда на совете Геркус Монте спросил поочередно всех собравшихся, что они предлагают предпринять против осажденных, Налубе высказался за скорейший штурм города и крепости. Сюда, в Самбию, уже дошли слухи о том, что рыцари, закрепившиеся в Торне, Мариенвердере и Кульме, собирают мощное войско, которое Папа римский вновь призвал обратить против неверных и установить полное господство Ордена на этой земле.

---

¹⁸ Кведнау – ныне поселок Северная Гора в черте Калининграда.

Агрессия тевтонов под сенью католической церкви

Через пять дней отряд Налубе, усиленный вновь прибывшими вооруженными пруссами из Скаловии, пошел на штурм Кёнигсберга. С противоположной стороны реки Глаппо наблюдал, как мощные стенобитные машины проломали бревенчатый частокол ограждения города и сотни прусских воинов ринулись в образовавшиеся пробоины. Через час Кёнигсберг был в руках отрядов пруссов. Охваченные ненавистью к врагам, они истребляли тевтонских рыцарей, немецких купцов и ремесленников, метавшихся по городу, а также молящих о пощаде соплеменников, состоящих на службе в рыцарском Ордене. Некоторым из оборо-

нявшихся удалось спастись за стенами каменной крепости, которая, как и раньше, оказалась неприступной. Издали были видны стены замка, окутанные дымом горящего города. Но и на этот раз с Кёнигсбергом покончить не удалось.

...Мысли Глаппо прервал скрежет засова. Дверь приоткрылась, и в щель кто-то стал рассматривать сидящего на полу узника. В темноте Глаппо не видел человека, наблюдавшего за ним, но всем своим существом ощущал его изучающий, любопытный взгляд. Через мгновение дверь снова закрылась. Стало опять тихо. «Значит, еще не утро, и у меня еще есть время побыть наедине с самим собой», – подумал Глаппо.

Воспоминания вновь вернулись к нему, вырывая то один, то другой эпизод кровавой борьбы с рыцарями в последние годы. Глаппо вновь переживал отчаяние, охватившее его, когда пруссы вынуждены были снять осаду Кёнигсберга, так как получили известие о приближении с юга громадного войска крестоносцев. В его памяти всплывали последние победы над Орденом, омрачавшиеся все новыми и новыми потерями. Удачный поход на Бранденбург¹⁹, который удалось захватить отряду Глаппо, после того как одна женщина сообщила пруссам о том, что рыцари вышли в поход и в крепости осталась только стража, стал последней боевой победой в жизни Глаппо.

После этого уже со всех мест приходили только вести

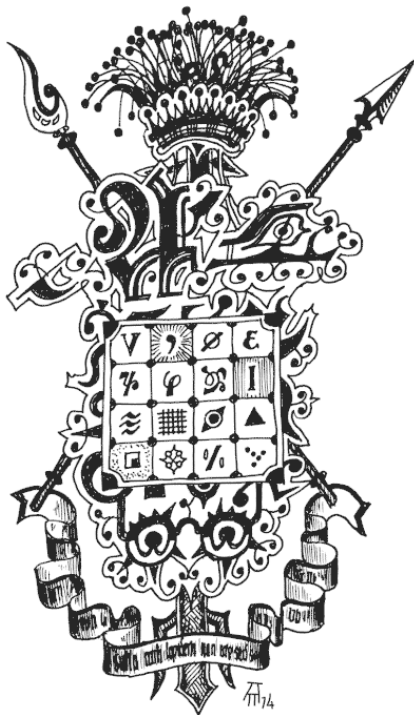
¹⁹ Бранденбург – ныне поселок Ушаково Калининградской области.

об отступлении пруссов, загоняемых рыцарями в непролазные леса и болота. Погиб Диване-Медведь, сраженный выстрелом баллисты при штурме крепости Шёнезе. В сражении где-то в Натангии был ранен Геркус Монте. Ему удалось скрыться от преследователей, но в конце концов после долгих скитаний по лесам он все-таки был схвачен рыцарями. Упиваясь своей победой над непокорным предводителем пруссов, рыцари долго издевались над Геркусом Монте, а затем повесили его на высоком буке у дороги, ведущей в Кёнигсберг. Давая выход своей лютой ненависти к «варварам» и их предводителям, они буквально изрешетили копьями и изрубили мечами мертвое тело Геркуса.

Из книги Руа «История рыцарства». Москва, 1996 год

«...Орден тевтонов покорял племена, кочевавшие по берегам Балтийского моря, обращал их в христианство... Эти рыцари-монахи поучали, наставляли в вере... и таким образом спасали от гибели их души. Что может быть трогательнее зрелища этих воинов, которых встречали то на поле битвы, мужественно сражающихся против неверных за веру Христову, то в обители страждущих, где эти же самые воины подавали помощь несчастным, то в хижине бедняка... Эти рыцари оказывали необходимую помощь не только своим единоверцам-христианам, но

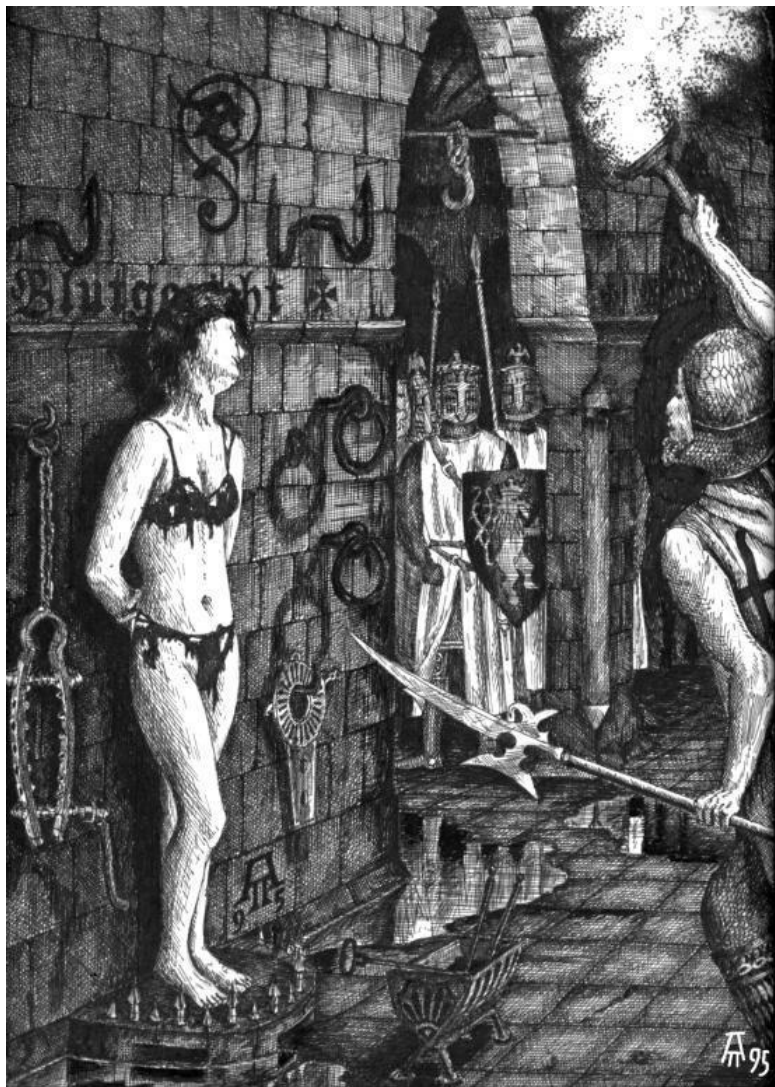
всем тем, которые нуждались в этой помощи, будь то даже магометанин или язычник...»

Рыцарская фантазия

Сам Глаппо пытался уйти с верными ему прусскими воинами в Литву, куда бежало все местное население, спасавшееся от опустошений, совершаемых рыцарями Тевтонского ордена. Но среди этих людей оказалась одна подлая душа.

Кто-то из отряда Глаппо решил ради спасения своей жизни предать товарищей и командира. Ему удалось сообщить рыцарям о местонахождении отряда, расположившегося в одной из прусских деревень на ночлег. Под утро окрестности огласились ржанием сотен коней и победными криками тевтонов. Силы были слишком неравны. Сжигая дома вместе с забаррикадовавшимися в них пруссами, рыцари не щадили никого. Они не оставили в живых ни одного человека, даже не повинных ни в чем жителей деревни, большинство которых составляли женщины, дети и старики. Предатель указал место, где расположился Глаппо. На него набросилась сразу дюжина рыцарей в белых плащах с крестами. Он отбивался как мог и, только получив сильный удар плашмя мечом по голове, потерял сознание.

В подземельях замка вершился страшный суд

Следы былого величия. 1967 год

Несколько раз Глаппо приходил в себя, но не видел и не слышал ничего. Голова разламывалась от боли, глаза жег нестерпимый огонь. Сквозь забытье ему казалось, что его куда-то везут, сильно болели вывернутые назад и туго связанные за спиной руки. Окончательно он пришел в себя уже здесь, в подземелье кёнигсбергской крепости. А то, что он в Кёнигсберге, Глаппо не сомневался. Нигде в округе не было такого фундаментального сооружения, как это, – таких глубоких подвалов, стены которых сложены из громадных округлых камней.

Глаппо вдруг отчетливо понял, что жить ему осталось очень немного: рыцари любили устраивать казни на рассвете. А то, что его казнят, сомневаться не приходилось. Иначе зачем же его привезли сюда и бросили в это сырое подземелье? Скоро, очень скоро снова загремит тяжелый засов, войдут ненавистные ему фигуры в белых плащах, выведут его наружу и перед радостно гомонящим сборищем тевтонов, под звуки их труб и рожков, под проповеди священников «воинства Христова» сделает Глаппо свои последние шаги.

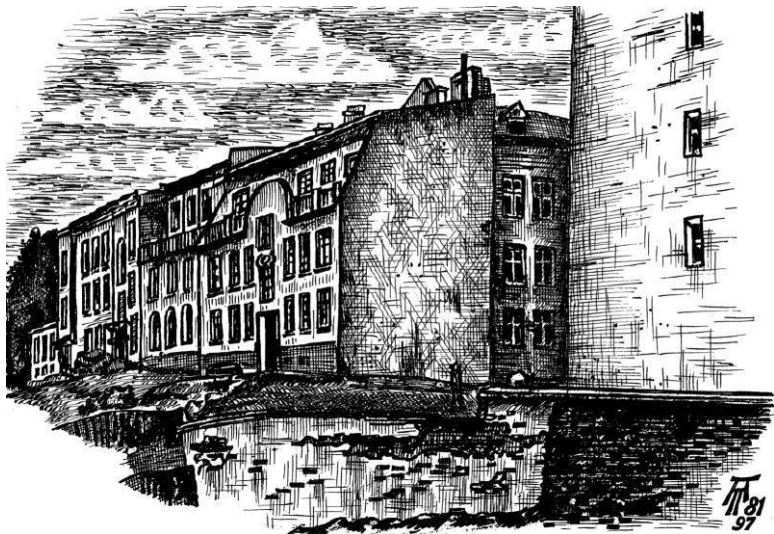
От такой мысли ему стало страшно и горько. Лучшие годы жизни он провел в сражениях с поработителями своего народа и теперь осознавал непоправимость произошедшего. Нет, он горевал не о своей жизни. Он думал о том, что рыцари оказались гораздо хитрее и сильнее пруссов, и теперь, строя свои крепости и замки на прусской земле, они на долгие-долгие годы, а может быть, и навсегда покорят его родину.

**Из книги Лавриновича «Орден
крестоносцев в Пруссии».
Калининград, 1991 год**

«Рыцари устанавливали в Пруссии чрезвычайно жестокие порядки. Местное население платило им дань и, сверх того, принуждалось к участию в строительстве замков и укреплений. Побежденные пруссы фактически

низводились до положения рабов; они лишались элементарных прав, в том числе и права наследования имущества, так как немцы не признавали законными браки среди пруссов, даже принявших христианство...»

Вдруг на память Глаппо пришла коротенькая история, рассказанная ему Геркусом Монте еще во время осады Кёнигсберга. Отряд тевтонских рыцарей под предводительством Мартина Гомна, со зверской жестокостью расправлявшийся с жителями прусских деревень, заплутал где-то в лесах Самбии и вынужден был искать проводника. Они набрали на бедную деревеньку, в которой жило всего три семьи. Согнав людей, рыцари объявили, что уничтожат всех, в живых же оставят лишь того, кто выведет их из этих лесов. Они поочередно спрашивали каждого и, получив отрицательный ответ, убивали на месте. Дети были не в счет. С ними рыцари расправились сразу, ворвавшись в деревню. Когда меч был занесен над последним жителем, седовласым стариком в лохмотьях и с посохом в руке, рыцари услышали из его уст согласие вывести отряд на дорогу. Долго шли крестоносцы вслед за стариком, пока не заметили, что лес стал чахлым, вокруг запахло гнилью и они оказались посреди топкого болота. Лошади вязли в зловонной жиже, тяжелые доспехи тянули тевтонов в пугающую трясины. Немногие из них, сбросав оружие, выбрались в сухие места и добрались до своих. Сложил свою голову от тевтонского меча и седовласый старик, имя которого так и осталось неизвестным.

Улица Коперника. 1981 год

Пустырь на месте Старого города. 1968 год

«Нет, не может даром пройти эта борьба, не напрасна смерть многих тысяч пруссов, сражавшихся против чужеземного ига. Еще поднимутся славяне и погонят эту нечисть прочь, освобождая этот чудесный край от власти ненавистного черного креста» – это было последнее, о чем успел подумать Глаппо, прежде чем загремел тяжелый засов. Дверь распахнулась, и в подземелье вошли четверо рыцарей в белых плащах. Один держал факел. Смола капала с него на каменный пол. Громадный крест на стене сверкал металлическим блеском, напоминая остро наточенный гвизарм – боевой топор с широким лезвием. Глаппо сделал над собой усилие, медленно встал и, покачиваясь, пошел к двери, навстречу своей судьбе...

**Из книги Лоховой «Страницы прошлого.
Кёнигсберг». Калининград, 1995 год**

«Рыцари ордена покорили Замландские земли язычников-прусов именем Христа и мечом Кайзера, и им удалось закрепить завоеванное. Многие пруссы погибли, другие скрылись в Литве, а некоторые позволили себя окрестить и жили теперь в мире с новыми господами. И осталось от них одно только имя: Пруссия».

Бывший командир отряда пруссов Глаппо был казнен

в 1267 году в присутствии возглавлявших войско тевтонских рыцарей герцога Альбрехта Брауншвейгского, ландграфа Альбрехта Тюрингского, маркграфов Отто фон Бранденбургского и Дитриха фон Мейссенского на холме рядом с кёнигсбергской крепостью. Накануне на вершине холма была сооружена виселица, к которой в день казни были созваны все жители поселения – в основном прибывшие с крестоносцами колонисты-ремесленники и земледельцы, рассчитывающие найти свое счастье под сенью креста вдали от родины. После краткой молитвы, произнесенной епископом на латыни, на шею Глаппо была наброшена веревка, пропущенная через железное кольцо на перекладине, и под вой рыцарских рожков четверо дюжих тевтонов резко дернули ее, завершая ритуал аутодафе²⁰.

С тех пор холм, где повесили Глаппо, простые жители города стали называть Глаппенбергом – «горой Глаппо». Но это продолжалось недолго. Немецкая история не пожелала сохранить имя героя пруссов. Спустя несколько лет холм был переименован в Оберрольберг²¹, а по прошествии столетий также была названа и улица, проложенная по самому его краю.

---

²⁰ Аутодафе (*португ.* auto-de-fe) – оглашение и приведение в исполнение приговоров инквизиции.

²¹ Оберрольберг – ныне улица Коперника в Калининграде.

Улица Коперника, бывшая Оберрольберг

Осколки Кёнигсберга на бывшем холме Глаппенберг

Из книги Лависса «Очерки по истории Пруссии». Москва, 1915 год

«Весь этот народ погиб жертвою католической цивилизации, оставив по себе только имя, присвоенное его победителями... Целый народ был уничтожен, чтобы очистить место немецкой колонии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.